

ЕВРОПЕЙЦЫ В ИНДИИ

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

ШРИ ЛАНКА В ПЕРИОД ПОРТУГАЛЬСКОЙ ЭКСПАНСИИ (1505–1658): ПРАВИТЕЛЬ И ЦЕРКОВЬ

На Цейлоне в XVI в. опробовались новые методы колонизации. Португальское присутствие выразилось также во вмешательстве по внутренним делам сингальских царей и изменении системы престолонаследия. Армия помогла религиозной стороне патронага, и португальская церковь приобрела на острове огромное влияние. Христианство привнесло новые идеи и новую систему ценностей. Элементы португальской культуры обнаруживаются в быту всех сословий и народов Шри Ланки.

Ключевые слова: Цейлон, власть, престолонаследие, португальцы, церковь.

Португальцы появились на Цейлоне в 1505 г. и вскоре стали оказывать заметное влияние на местную администрацию. В прибрежных районах они доминировали около полутора веков. Португальский период на о-ве Цейлон был короче, чем в Индии, и завершился в 1658 г. капитуляцией португальских войск в Джафне. Власть над побережьем перешла в руки голландцев. Однако португальское влияние на Цейлоне было не менее значительным, чем на материке. Португальское государство Индия в этот период охватывало не только территории, находившиеся под прямым контролем короны, но все общины христиан, которые развивались в разных формах управления, делегированных португальским королем.

Португальцы сумели найти свое место в системе азиатской торговли [Вохер 1969]. На протяжении пяти веков они участвовали в системе торговых связей в Индийском и Тихом океанах, а также способствовали активному перемещению людей между континентами.

Поскольку европейские товары были мало конкурентоспособны на азиатских рынках, португальцы стали перевозить азиатские товары, доставляя их из Азии на Запад, например редкие породы дерева, шелк, пряности, предметы роскоши. Остров Ланка (Цейлон) занимает выгодную позицию в Индийском океане и с древности лежал на торговых путях между Африкой и Дальним Востоком. Остров был известен также благодаря уникальным предметам экспорта, среди которых особо ценились слоны, пряности (корица), жемчуг, драгоценные камни.

Считается, что Португалия и народы, с которыми она встрети-лась с начала колонизации, находились примерно на одном уровне развития, а кое в чем азиатские страны и народы даже превосходили ее. Это отчетливо видно хотя бы на таком конкретном примере: Португалия не имела возможностей завязать с этими странами торговлю, так как ей нечего было им предложить. Известно, что правитель (саморин) Каликута смеялся над подарками, которые вручил ему Васко да Гама. Португальцы привезли шляпы, бусы, сосуды и горшки для меда.

Португальцам пришлось переключиться на торговлю предметами роскоши, которые пользовались в Азии постоянным устойчивым спросом. Свою торговую империю португальцы создали, фактически включившись в разветвленную сеть морских торговых путей. Выступали они как перевозчики и торговые посредники между разными странами азиатского материка. Захватив ключевые порты, они получали от купцов пошлину, нередко силой заставляя их плавать по контролируемым португальцами маршрутам. За отказ грабили. В Индии покупали хлопок и опиум, в Малакке — шелк, фарфор. Они перевозили гвоздику, мускатный орех, олово, медь, золото. Конкуренция азиатских товаров вызвала позднее серьезные кризисы в европейском производстве, в частности в текстильной промышленности в Англии в конце XVII в.

Золото и серебро, которых требовали азиатские владыки, европейские державы, в свою очередь, получали от торговли и из колоний, прежде всего американских. Так, китайцы продавали европейцам чай только за серебро. С конца XVIII в. европейцы стали ввозить в Китай опий и продавать его за серебро, англичане монополизировали производство и торговлю наркотиками в Индии. Одним

из пунктов производства опия стал Диу — район Португальской Индии. Азиатские владыки с удовольствием приобретали бы португальское оружие и корабли, но Португалия не хотела вооружать своих противников против себя же. Отсюда военный характер колонизации, возникший не потому, что португальцы были особенно воинственны, но по указанным выше причинам.

Ланка/Цейлон с древности (и это доказано многими историческими свидетельствами, в частности уникальными хрониками, которые описывают историю острова и буддийского учения на нем от III в. до н.э. и до нового времени) являлся образцом мощной государственности, а также крепкого союза правителей с господствующей религией (буддизмом тхеравады), но именно в названный период союз этот был ослаблен. Этим очень умело и воспользовались европейские (португальские) захватчики: они вели мощное наступление по обоим направлениям. И достигали победы, узурпируя обе ветви местной власти.

Португальцы в полной мере использовали то, что к концу XV в. в этнополитическом отношении остров был разобщен: в этот период на его территории существовало несколько мелких государств. Порты находились в руках мавров, север острова — у тамиллов, центральные районы — у сингальских вождей, которые в действительности не подчинялись номинальному суверену — царю прибрежного царства Котте. В это время сингальское государство Канди, расположенное в Центральном нагорье, становится крупной политической единицей, а впоследствии превращается в центр сингальской культуры и государственности. Влиятельным является и тамильское государство Джафна на крайнем севере. Помимо местных полуавтономных царств, или княжеств, как их именовали португальцы, в прибрежных городах автономный статус имели колонии торговцев-мусульман, которые оказывали заметное влияние на независимость соответствующего государства. Местные войска не были в состоянии защищать Цейлон от нападений с моря, в частности от пиратов с западного побережья Индостана.

Одним из решающих преимуществ португальцев было наличие мощного флота, оснащенного новейшей для того времени артиллерией, для которого требовались морские базы. В ноябре 1505 г. дон Лоренсу, сын вице-короля Португальской Индии дона Франшишку

ди Алмейды, флот которого базировался у раджи Кочина, достиг гавани Коломбо и отправил послов в государство Котте, располагавшееся в западной и юго-западной части острова (близ современной столицы острова города Коломбо, основанного португальцами как форт). Он предложил сингальскому царю Паракрамабаху IX (*Vira Parakramabahu*, годы правления 1484–1508) защищать морские границы его царства, если тот разрешит португальцам создать на острове фактории. Царь согласился. Кроме того, он должен был передать португальцам 400 бахаров (1 бахар = 175 кг) корицы и двух слонов для перевозки этого груза. Также он разрешил им выгравировать королевский герб Португалии и дату на скале в заливе (этот исторический памятник сохранился в гавани Коломбо до сих пор). Этого правителя португальцы называли королем Цейлона.

Португальцы появились на Цейлоне снова в 1518 г., и начался многолетний конфликт, в который были вовлечены португальцы, мусульмане и четыре цейлонских царства. Цель португальцев состояла не в прямом захвате территорий, а в обеспечении торговой монополии португальского короля, прежде всего на пряности (а также хлопковые ткани, драгоценные камни), поставляемые из Азии в Европу. Выгодное стратегическое положение Цейлона позволяло контролировать путь из Юго-Восточной Азии в Персидский залив. Весь XVI в. здесь был периодом политической нестабильности, войн, конфликтов не только между цейлонскими царствами, но и внутри каждого из них, коррупции и ограбления союзников, восстаний и политических убийств. В частности, португальцы ввели на острове новый тип войны. Ранее в Индии их войска старались не разрушать на захваченных землях крестьянских поселений и полевых, зато облагали их налогами. Но позже они отказались от этой тактики, и вслед за индийскими цейлонские крестьяне также испытали тяжесть новой политики грабежей и расправ.

А раздоры между местными правителями только усугублялись. После смерти в 1521 г. царя Котте Виджаябаху VII его три сына поделили государство на три части — Котте, Ситавака и Райгама (оно после смерти правителя было присоединено к Ситаваке). Правители Котте (Бхуванекабаху) и Ситаваки (Маядунна), опираясь на помощь соответственно португальцев и саморина Каликута, вели долгую борьбу друг с другом.

В период протектората важнейшим партнером португальцев был царь государства Котте Бхуванекабаху VII (Bhuwanekabahu, правил в 1521–1551 гг.). Его политика не встретила единодушного одобрения подданных. Цейлонский монарх присягнул португальскому королю Жуану III. Позже он нанял охрану из португальских солдат — хорошо вооруженных, дисциплинированных и имевших немалый военный опыт наемников. Советником с 1542 г. стал португальский авантюрист Нуно Алвариз Перейра, prerogative которого постоянно расширялись, он даже составлял документы от имени царя.

При новом вице-короле доне Афонсу ди Норонья положение на Цейлоне еще больше обострилось. В 1550 г., находясь в гавани Коломбо, он не стеснялся вымогать взятки у обоих царственных братьев. Маядунна заплатил больше, и вице-король оставил секретное распоряжение разграбить сокровищницу царя Бхуванекабаху VII после смерти последнего. Вскоре царя Бхуванекабаху VII застрелил в 1551 г. один из португальских наемников. Вице-король прибыл с отрядом в три тысячи человек, занял и разграбил дворец, подверг пыткам придворных. Эти «подвиги» он повторил и в городе, где правил Маядунна (Mayadunne, годы правления 1521–1581). В Котте солдаты распоряжались как в захваченном городе. И позже португальцы продолжали натравливать местных властителей друг на друга, они откровенно заявляли (документ 1557 г.), что им выгоднее иметь на острове не одного, а нескольких правителей. Так португальцы усиливали свои позиции, добиваясь подчинения себе местных правителей.

Другим направлением португальской атаки на местное население стала его христианизация.

Буддизм сделался государственной религией на Цейлоне еще в III в. до н.э., но в средние века буддийская община распалась на ряд сект, и секты и монастыри враждовали друг с другом. В средние века завоеватели из Южной Индии и тамилы-переселенцы насаждали индуизм, преследовали буддийских монахов.

Португальский король в середине XIV в. получил право на патронат (Padroado) — пропаганду католичества за рубежом, постройку церквей, назначение епископов. В состав команд португальских судов входили монахи-францисканцы. Миссионерским орденам уставами запрещалось стремиться к собственности, монахи дава-

ли обет бедности и нищенства. Это в некоторой степени сближало францисканцев, а позже и иезуитов с буддийскими монахами. Но жадность и стяжательство привели к разладу в среде захватчиков, которые к тому же не имели ни высокой культуры, ни образования, ни желания познать страну. Когда последовало очередное возмущение народа на Цейлоне, фрей Жуан Вила ду Конди начал сносить туземные религиозные сооружения, подавил начавшееся восстание, повесив 30 его руководителей — буддийских монахов, именуя их «одержимыми демонами предателями». Так армия помогла религиозной стороне патроната.

Пропагандируя христианство, францисканцы основали первую семинарию в Южной Азии в Кранганоре (1540 г.), затем в Гоа (1541 г.). Главой ордена в Индии был епископ Кочина. Другие орденные также открыли семинарии, где готовили миссионеров. Местные восстания неумолимо подавлялись, крещения продолжались. В конце XVI в. португальские власти уже требовали, чтобы миссионеры владели местными языками.

Для обращения ланкийцев в католичество миссионеры использовали три вида силы — физическую, ментальную и превентивную. Считается, что католичество принесли «на острие меча», затем за дело взялись миссионеры.

Деятельность миссионеров на Цейлоне подробно описана в трудах португальских хронистов. Военные капелланы с самого начала в португальских крепостях занимались обращением рабов, но делали это не систематически. Ситуация изменилась в 1542 г., когда в Гоа прибыл иезуит Франсишку Шавьер (Francisco Xavier, 1506–1552). За три года на Малабарском побережье он обратил в католическую веру тысячи рыбаков-*караве* (каста относилась к низам традиционного местного общества).

В 1543 г. на Цейлон прибыла первая францисканская миссия, но брату Жуану Вилла ду Конди не удалось обратить в христианство царя Котте Бхуванекабаху. 9 марта 1546 г. францисканец Франсиско Монтепрадоне окрестил царя Канди Викрамабаху (Vikramabahu), правда, ненадолго. В 1546 г. на острове присутствовали пять францисканских монахов и два священника, действовали четыре церкви (1559 г.). Капуцины, августинцы, доминиканцы и иезуиты присоединились к францисканцам позже. В Маннаре в 1560-е годы

была основана миссия, и брат Анррикиш вел работу с обращенными рыбаками Южной Индии, управлял школой и больницей. В конце XVI в. на Цейлон прибыл первый миссионер-иезуит Аквавива. Францисканцы вовсе не хотели лишиться монополии на острове, но приказом короля иезуиты были допущены к работе. В 1602 г. иезуитам было разрешено расширить свою деятельность на другие районы.

В XVI в. Цейлон вошел в состав диоцеза Гоа, который простирался от мыса Доброй Надежды до Китая и откуда миссионеры отправлялись по всей Азии.

Миссионеры придерживались тактики «вертикального обращения», т.е. старались обратить в католичество первыми правителей Котте, Канди, Джафны, Тринкомале, Баттикалоа (исключением стала Ситавака), надеясь за ними привлечь их подданных [Perega 2009: 233]. Но буддийское население Цейлона не поддержало своих правителей, сменивших религию. После завершения военного завоевания возможностей вертикального обращения не стало, и далее применялась тактика «горизонтального обращения», т.е. обращение в католичество непосредственно народных масс, после чего религия становилась национальной (Маннар, Джафна, западное побережье).

Некоторые цейлонские правители не препятствовали деятельности миссионеров, так как пытались с помощью португальцев укрепить свое политическое положение. Кроме того, будучи буддистами, они отличались толерантностью и веротерпимостью, и деятельность иностранных миссионеров сначала не очень их волновала. Так, когда в 1541 г. царь Котте Бхуванекабаху VII отправил послов в Португалию к Жуану III, в качестве вежливого дара они везли статуэтку младенца Иисуса из слоновой кости и золота. В своем царстве Бхуванекабаху VII разрешил строить церкви, монастыри, открывать католические школы, обращать желающих в христианство (при том условии, что новообращенные христиане продолжали бы платить налоги и признавали его власть). Он даже планировал сам принять новую веру, но по злободневным политическим причинам не осмелился.

Царь Бхуванекабаху VII добивался поддержки португальским королем своего наследника — внука Дхармапалы (Dharmapala),

рожденного в 1538–1539 гг. Попытка сделать наследником внука нарушала существовавшую норму права *dasa raja dharma*. Как свидетельствуют португальские хроники, передача трона — «проклятье сингалских правящих домов» — нередко провоцировала рознь и войны. Нормой было первородство, но при отсутствии старшего сына трон наследовал следующий по старшинству брат. В период Анурадхапуры и Котте порядок наследования предполагал следующую очередность: старший сын, сын дочери, старший брат. Изучение истории 90 царей, правивших до 1500 г., выявило всего два случая, когда трон наследовали внуки (Паракрамабаху VI, Бхуванекабаху) [Strathern 2007].

В соответствии с нормами наследования трон Котте должен был быть передан Маядунне по праву старшего брата. Но между братьями существовала острая вражда, а амбиции зятя (Видийе Бандара — мужа дочери) делали реальной утрату власти. Португальцы знали о враждебности Маядунны к европейцам и искали лояльного кандидата, рассматривая возможность насильственного устранения царя. Королю Португалии сообщали, что право на трон имеют «племянник или брат», и это свидетельствует о хорошей работе португальской разведки, изучившей социальные нормы сингалов. Король Португалии знал, что, поддержав Дхармапалу, он нарушит норму наследования и спровоцирует волну протеста. Другие мужские потомки Бхуванекабаху VII — сыновья от младших жен (Jugo Vandara и Дон Луиш) и племянник (Дон Жуан — сын сестры) — также желали реализовать свои права на трон. Младшие сыновья опирались на сильные фракции в Котте [Perera 2009: 235–238].

Поскольку царь Бхуванекабаху VII отказался перейти в католичество, миссионеры обратили в католичество его сына Жуго Бандару. Тот был вскоре убит, и начались чудеса. На месте убийства появились знаки: огненный крест в небесах, земля трижды распахнулась в форме креста, и вообще земля дрожала, что население сочло выражением священного гнева. Другого сына (Дона Луиша) и племянника (Дона Жуана), обращенных после чуда на могиле, царь отправил в Гоа, поддержал их попытки воцариться в Канди и в Джафне, в том числе оплатив военные услуги португальцев. Это можно было расценить как компенсацию за несправедливое лишение их прав на наследование. Но в 1546 г. оба наследника умерли от оспы в Гоа.

9 марта 1546 г. итальянец Франсиско Монтепрадоне, францисканец, прибыл из Котте и спешно окрестил Викрамабаху, царя Канди, ночью, за два часа до рассвета, что являлось нарушением канона. Этим актом царь хотел обеспечить себе помощь португальских войск против Маядунны. Помощь не пришла, царь сумел откупиться от противников — Маядунны и Бхуванекабаху VII. Когда население в 1547 г. возмутилось, он отрицал факт тайного крещения, представив это поданным как военную хитрость — попытку обмануть португальцев. Тем не менее по его приказу под церковь был освобожден храм, откуда выбросили «идолов», часть их сожгли, часть разбили. Но даже через три месяца миссионер Антониу Падран сетовал, что «царь не умеет креститься» и не понимает сути новой религии. Инспекторы-миссионеры, рассматривавшие подобные казусы в Азии, не видели духовных побед христианства в таких насильственных и скорых крещениях. Каралиядда, сын Викрамабаху, добровольно принял католичество, но это вызвало восстание, и принц был изгнан.

В 1551 г. царь Бхуванекабаху VII был убит. Придворные либо арестовывались и уничтожались, либо принимали католичество. Так, посол Бхуванекабаху брахман Шри Рамаракша Пандита (ака Пандита) был арестован, увезен в Гоа, крещен, получил имя Дон Афонсу ди Норонья (став иезуитом, в 1552 г. он был отправлен в Маннар на о-в Цейлон как *топасс* — переводчик и миссионер), а дядя царя Таммита Рала — имя Франсишку Баррету [Perera 286–287].

Коронован был внук Бхуванекабаху VII — Дхармапала, а в 1557 г. Жуан Вила ду Конди окрестил его, следом — супругу царя, дядю, чиновников, знать. Появление первого и единственного католического царя в Котте было воспринято в Португалии как триумф. Спустя восемь лет Дхармапала был разбит Маядунной, бежал к португальцам в форт и доживал в бедности.

Дхармапала даровал францисканцам доходы от всех храмовых земель в стране, чтобы они могли содержать школы, в которых обучали бы крещеных сирот. Это повлекло упадок буддизма, ибо монахи оказались лишены места проживания. Монахи побежали в Канди, буддийское образование на острове пришло в упадок. На месте уничтоженных буддийских и индуистских храмов, мечетей, разобранных на детали, из этих же материалов нередко строились

католические церкви. В XVII в. португальские солдаты, чиновники и миссионеры ссорились из-за распределяемых храмовых земель [Pieris, Fitzler 1927].

Францисканцы резонно сомневались, что первое поколение новообращенных станет хорошими христианами, но верили, что следующее поколение будет другим. Декретом короля Португалии в 1532 г. был создан институт “Pai dos Christãos” — «Отец христиан». В 1551 г. эту должность ввел на Цейлоне Афонсу ди Норонья. Цель назначаемого Отца христиан — отыскивать осиротевших детей неверных (и незаконных детей) в возрасте до 14 лет, собирать их в сиротских домах, обучать (основам христианской веры — катехизации, но некоторым давалось и светское образование) и воспитывать как католиков, т.е. заменять им отца, защищать их интересы перед чиновниками. Сиротами считались сыновья, «потерявшие отцов», даже если матери были живы. Первый провинциальный совет в Гоа в 1567 г. принял решение распространить эту практику по всей Южной Азии. Сироты-католики могли стать учителями и обучать следующее поколение детей. Заметим, обучение детей при храмах не было новинкой для местных жителей: такая практика существовала на Цейлоне задолго до европейцев.

В 1546 г. португальский король Жуан III требовал «уничтожать идолов» в Индиях. В 1568 г. Первый Церковный совет в Гоа потребовал истребить язычество (в том числе праздники, обряды, книги, предметы, паломничества, свадьбы и кремации, раздачу милостыни, проповедование, деревья Бодхи). В 1581 г. этот эдикт был вновь подкреплен указом Филиппа II, присоединившего Португалию к Испании на 60 лет.

Распространению христианства на Цейлоне способствовали многие причины. Обращенные в католичество туземцы получали привилегии (что было особенно привлекательно для представителей низших социальных групп): по рекомендации священников они могли занимать должности чиновников в местном управлении, вступать в брак с «белыми женщинами». Они избегали казни за преступления, освобождались из рабства, получали подарок при крещении, не платили налог на наследство, на поля, сады и другую собственность. Особенно успешно проходила христианизация среди низких каст, в частности рыбаков на побережье, которые таким об-

разом улучшали свой социальный статус. Наконец, пышность католической литургии нравилась жителям Цейлона. Католики носили европейскую одежду и шляпы. Впрочем, король Португалии имел право конфисковать все имущество христианина, и это несколько тормозило крещения в Азии [Subrahmanyam 1993].

С течением времени ситуация менялась. С поражением португальских войск вновь «поднимали голову» буддизм и индуизм, многие сингалы снова становились буддистами. Временами крестьяне, доведенные до отчаяния жесткой экономической политикой португальцев, совершали убийства священников и разрушали церкви. Правитель Джаффны Чангали (Санкили) в 1560-е годы казнил 600 новообращенных христиан в Маннаре.

Но все же можно утверждать, что к концу португальского присутствия на острове их церковь уже имела государственное значение. В начале XVI в. на Востоке находилось около 15 тыс. португальцев (не считая метисов), из них 4 % составляли миссионеры. Миссионеры получала жалование от короля Португалии, т.е. были государственными служащими. Португальское руководство платило священникам содержание, передавало церкви земли, до 10 % государственных расходов приходилось на церковь, при этом налогом облагалось церковное погребение, крестьянам платили половинную цену за продукты земледелия и за труд по строительству домов для священников. В то же время церковь брала на себя заботы о больных и узниках, а также начальное школьное образование.

При передаче владения португальскому королю местный царевич мог получить духовный сан. Так, наследник трона в Джаффнапатане, сын свергнутого царя Пара Раджа Секарама, был рукоположен как францисканец фрей Константину ду Кришту. Обращение имело дипломатические и политические цели — царевич отписал свое владение португальскому королю. Так же поступили еще два царевича: кандийский царевич Дон Жуан, внучатый племянник Каралиядде и второй кузен доны Катарины (его отец Дон Фелипе был посажен португальцами на трон, но убит, и дон Жуана на трон посадить не удалось); Никапитийе Бандара — царевич Ситаваки (сын царя Раджасинхи I). Оба были зачислены студентами в колледж Св. Антония в Коломбо, а потом отправлены учиться в Индию (в Бардез). Последний умер от оспы, а Дон Жуан выказал способности, получил

образование в Коимбрском университете в Португалии и стал епископом.

Обращение было «процессом десоциализации и ресоциализации» одновременно, ибо влекло смену имени и костюма на португальские, появление новой личности и новой веры. Обращение расценивали как «божественным образом замышленное и безоговорочное» (с точки зрения идеи божественной мотивации).

Вторая половина XVI в. на Цейлоне — постоянные междоусобные войны, восстания, и о мирном христианстве говорить не приходится. В начале XVII в. португальский король запретил капитан-генералам и вице-королям отдавать по своему усмотрению земли и храмовые деревни (т.е. деревни при буддийских храмах) церкви, но требовал передавать их короне и из этих доходов выплачивать жалование миссионерам. На вырученные средства и эксплуатируя бесплатный труд населения миссионеры строили школы и церкви, оплачивали труд учителей. На деле же из доходов выплачивали и жалование миссионерам, так что, когда денег не было, работа по обращению в христианство прекращалась. И без внимания миссионеров подданные вновь жили как «язычники»-буддисты. Миссионеры «делали христиан» из ланкийцев, но не обучали их вере. В реальности причиной обращений были либо страх, либо стремление к привилегиям.

Завоевавшие остров голландцы изгнали в 1658 г. почти всех католических миссионеров, и лишь в 1687 г. Иосиф Ваз (José Vaz) возобновил на Цейлоне миссионерскую работу [Costa 2004]. Отметим, что главное свое политическое поражение португальские колонизаторы острова понесли от европейских соперников, перипетии отношений с которыми были сложны и неоднозначны (но это уже тема другого разговора). И все же ныне католики — это третья по численности религиозная община Шри Ланки. В ней, кроме потомков португальцев, присутствуют и сингалы, и тамилы. В частности, до сих пор много христиан-католиков среди членов сингальской касты *караве* (рыбаки), этим повысивший свой экономический статус. Они проживают главным образом в деревнях на побережье острова.

Совершенно очевидно, что общее влияние португальского присутствия на острове в целом было огромным. Как это уже произошло ранее, когда на Цейлон был принесен буддизм, с новой религией —

христианством — были привнесены новые идеи и новая система ценностей. Католическую религию местные жители осваивали вместе с огнестрельным оружием европейцев, их военной архитектурой, музыкой, искусством, литературой. Португальцы внедрились в Южной Азии и свой язык как лингва франка, как язык управления, торговли и религии. В частности, сингалы заимствовали у португальцев слова *nona* ‘дама, госпожа’; *horava* ‘час’; *kussiya* ‘кухня’. Католические миссионеры боролись с обычаем полиандрии, пропагандировали стабильные моногамные браки (сингалы приняли португальское слова *kasada* для обозначения свадьбы, вуаль как часть костюма невесты, элементы костюма жениха, ритуал обмена кольцами). Португальцы женились на местных женщинах, а на их дочерях впоследствии женились голландские поселенцы острова. Когда в качестве колонизаторов голландцев сменили британцы, потомки португальцев долгое время составляли значительное число в общем населении.

Сейчас основными «наследниками» ранних европейцев на острове являются португальские и голландские *бюргеры*. Португальский компонент прослеживается и в малой этнической группе Шри Ланки *кафринья*. Среди ее предков — вывезенные португальцами чернокожие жители Восточной Африки. Языком португальских бюргеров служил португальский *креоль*, или «варварский португальский». Благодаря своему языку и приверженности католической религии, они сохранили свою идентичность. В настоящее время потомки португальцев чаще всего говорят на сингальском языке (некоторые изучают английский в школе), но память о старом родном наречии все еще живет. Под влиянием португальской музыки у сингалов (основного ланкийского населения) возник собственный песенный жанр — *байла*, нечто вроде городского романса, основанный на португальских танцевально-песенных ритмах, с широким спектром тем, среди которых преобладает любовная. Да и собственно португальский песенный фольклор (*кантига*) принят и живет в сингальской среде.

До сих пор потомки португальцев в Шри Ланке зарабатывают на жизнь «механическими» видами ремесла: пошив обуви, портняжное, столярное, кузнечное дело, книгопечатание, работы по железу, меди и цветным металлам. Из общих ланкийских сфер жизни хри-

стианская община традиционно «курирует» спорт (но это, возможно, английское влияние).

В межобщинных конфликтах все местные христиане, как правило, держат нейтралитет.

Таким образом, политика португальских колонизаторов на острове оказалась плодотворной и при всех модификациях жизненных условий обеспечила их потомкам условия выживания. Португальские бюргеры в определенном смысле прочнее других евразийцев пустили здесь свои корни, сохранили этническую идентичность.

Библиография

Boxer C.R. Portuguese Seaborne Empire, 1415–1825. L.: Hutchinson and Co. (Publishers) Ltd., 1969.

Costa C.J. Life and Achievements of Blessed Joseph Vaz. 2nd ed. Goa: Pilar Publications, 2004.

Perera C.G. The Portuguese Missionary in the 16th and 17th Century Ceylon: The Spiritual Conquest. Colombo: Vijitha Yapa Publications, 2009.

Pieris P.E., Fitzler M.A.H. Ceylon and Portugal. Pt. 1. Kings and Christians 1539–1562, from the Original Documents at Lisbon. Leipzig: Verlag der Asia Major, 1927.

Strathern A. Kingship and Conversion in Seventeenth Century Sri Lanka: Portuguese Imperialism in a Buddhist Land. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

Subrahmanyam S. The Portuguese Empire in Asia, 1500–1700: A Political and Economic History. L.; N.Y.: Longman, 1993.